

Захаров Александр Сергеевич¹, аспирант,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики, Санкт-Петербург

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Аннотация: Арбитражный управляющий – один из ключевых участников процесса о несостоятельности. Тем не менее, вопросы его ответственности носят межправовое содержание: помимо известной административной и уголовной ответственности, арбитражный управляющий несет ответственность за свои действия в рамках конкретного процесса о банкротстве, что необходимо ставит вопрос о содержании принципа добросовестного поведения применительно к статусу арбитражного управляющего и его роли, исследуемый автором настоящей статьи.

Ключевые слова: Арбитражный управляющий, банкротство, несостоятельность, принцип добросовестности.

Фигура арбитражного управляющего в деле о банкротстве безусловно одна из ключевых. Арбитражный управляющий в силу логики закона поставлен в положение, при котором он находится в центре противоборства интересов сторон банкротного процесса. Противоречия в статусе арбитражного управляющего находили классики цивилистики уже очень давно. В российской правовой доктрине вопрос статуса арбитражного управляющего (в доктрине и законодательстве дореволюционного периода российской истории: конкурсное попечение и конкурсное управление), рассматривал среди прочих Г.Ф. Шершеневич. Ученый в своей работе указывал на следующие выводы о статусе управляющего делами должника: «Из обозрения указанных теорий можно заключить, что деятельность конкурсного попечителя осуществляется в интересе как должника, так и кредиторов. Действительно, конкурсное управление обязано исполнить свою задачу возможно полного удовлетворения кредиторов, стараясь по возможности охранять интересы должника. Но подобное явление совершенно не согласуется с понятием представительства на той или другой стороне. Очевидно, конкурсный попечитель не может быть представителем ни должника, ни его кредиторов².

Стоит отметить, что в настоящее время российское законодательство определении статуса арбитражного управляющего не вышло за рамки размышлений ученых, мнение одного из которых приведено выше.

Анализ положений, включенных в закон о банкротстве, позволяет определить арбитражного управляющего как действующее в интересах должника, кредиторов и общества лицо, на которое в зависимости от применимой процедуры банкротства – оздоровительной или ликвидационной – возложены те или иные обязанности по управлению делами (имущественными правами) должника.

Из формулировки усматривается, что кроме осуществления своих обязанностей в интересах должника и кредиторов, управляющий должен учитывать интересы общества. Формулировку законодателя здесь бесспорно следует толковать таким образом, что процедура банкротства, сама по себе предполагающая вторжение публичного порядка в частные правоотношения, предполагает своей целью защиту публичных интересов, которую элементами составляют: стабилизация гражданского оборота, удовлетворение требований кредиторов в соответствии с принципом *pro rata* (лат.) и иные.

¹ Захаров А.С © 2024

² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. Стр. 315.

Между тем, действительное выполнение требования к арбитражному управляющему по реализации и защите интересов всех участников банкротного процесса, ставится под вопрос самим же законодателем, представившем, как должнику (в делах о несостоятельности граждан), так и кредиторам (во всех случаях) право выбора кандидатуры арбитражного управляющего. Установленная законом возможность предложить суду кандидатуру арбитражного управляющего должника порождает заинтересованность той стороны, которая кандидатуру предлагает, в отношении управляющего. Как в случае предложения к утверждению кандидатуры управляющего должником, так и в случае предложения такой кандидатуры кредитором (заявителем или пулом кредиторов на собрании кредиторов) высок риск возникновения ситуации при которой управляющий делами должника будет действовать в интересах той стороны, которая представила его к утверждению. К сожалению, даже с учетом формальной независимости арбитражных управляющих, случаи, когда игнорируются интересы одной из сторон спора: должника или кредиторов очень часты. Но статистика скрывает данные о числе подобных конфликтов, поскольку учет их невозможен. В рамках господствующей на сегодня в российском праве прокредиторской модели банкротства, при всей жесткости которой можно услышать предложения по расширению прав кредиторов в процедуре банкротства³, ущемление прав должника представляется чем-то естественным, логичным наказанием очередного разорившегося игрока рынка. Однако, разрешение проблемы заинтересованности участников дела о банкротстве и арбитражного управляющего лежит за пределами настоящего исследования.

Возвращаясь к теме статуса арбитражного управляющего можно обобщить: арбитражный управляющий назначается для целей управления имущественными правами должника, притом полномочия управляющего могут быть незначительными, если должник «оставлен во владении» или же крайне широкими, когда управляющий фактически замещает роль руководителя должника.

Обращаясь к статусу арбитражного управляющего в деле о банкротстве граждан, следует отметить, что такой управляющий назначается по предложению заявителя (должника или кредитора) при введении процедуры реструктуризации долгов, а затем, в случае невозможности восстановления платежеспособности, по выбору кредиторов при введении процедуры реализации имущества.

Вектор расширения полномочий управляющего расширяется согласно общей логике дела о банкротстве. Финансовый управляющий в процедуре реструктуризации долгов гражданина обладает одним набором прав и обязанностей, а другая часть имущественных прав остается за должником, а при введении процедуры реализации имущества гражданина пул правомочий финансового управляющего расширяется за счет ликвидации права на реализацию имущественных прав у должника.

Правомочия финансового управляющего описаны в статьях 20.3, 213.9, пунктах 5 – 6 статьи 213.25 Закона о банкротстве.

Для исследования, проводимого в рамках настоящей работы наибольший интерес представляют следующие положения закона:

«5. С даты признания гражданина банкротом:

все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, в том числе на распоряжение им, осуществляются только финансовым управляющим от имени гражданина и не могут осуществляться гражданином лично;

«...»

6. Финансовый управляющий в ходе реализации имущества гражданина от имени гражданина:

«...»

осуществляет права участника юридического лица, принадлежащие гражданину, в том числе голосует на общем собрании участников;

³ Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ

ведет в судах дела, касающиеся имущественных прав гражданина, в том числе об истребовании или о передаче имущества гражданина либо в пользу гражданина, о взыскании задолженности третьих лиц перед гражданином. Гражданин также вправе лично участвовать в таких делах».

В настоящей работе особое внимание будет обращено на институт права на судебную защиту.

Перед нами будут поставлены следующие вопросы:

1) вправе ли гражданин в ходе реализации имущества самостоятельно защищать права в суде, а в особенности выступать инициатором защиты нарушенного права (быть подателем иска)?

2) меняется ли ответ на вышеуказанный вопрос, если имущество в отношении которого подается иск не включено в конкурсную массу?

3) вправе ли гражданин обращаться в ходе реализации имущества в суд за защитой нарушенного права, имеющего корпоративную природу?

Для получения ответа на указанные вопросы следует обратиться к институту права на судебную защиту, а после изучить его соотношение с ограничениями, установленными законом о банкротстве.

В самом общем смысле, судебная защита частного права – юрисдикционная деятельность уполномоченного органа государственной власти, направленная на определение правового положения спорящих сторон. Современный конституционно-правовой режим Российской Федерации позволяет нам избежать чрезмерного погружения в историю природы права на судебную защиту, тем самым значительно упрощая задачу по раскрытию процессуальных особенностей положения как арбитражного управляющего, так и «замещенного» им лица выступающего в качестве должника в деле о банкротстве.

В силу положений ст. 46 Конституции Российской Федерации, право на судебную защиту приобретает характер абсолютности и безусловности (последнее требует дополнительного теоретического обоснования, которое будет приведено далее). Формы реализации права на судебную защиту установлены процессуальным законодательством, которое содержит регламент механизма его активации применительно к тому или иному виду судопроизводства (уголовному, гражданскому и т.д.). Абсолютность права на судебную защиту отражается в его неисчерпаемости при каждой конкретной активации этого права (непосредственного обращения в суд), а безусловность выступает как условие гарантированности этого права каждому лицу. Безусловность судебной защиты не должна восприниматься буквально, т.к. очевидной истиной являются требования законодательства, предъявляемые как к форме иска, так и к лицу его подающему, например – требование о наличии дееспособности (хотя и требование о дееспособности лица ищущего судебной защиты не является всеобъемлющим, и не берется в учет в отдельных случаях⁴).

Нормы Закона о банкротстве, в силу их специального характера и прямого указания закона (п. 1 ст. 223 АПК РФ), имеют преимущественное значение для целей арбитражного судопроизводства по делам о несостоятельности. Соответственно, для такой обособленной процессуальной формы как арбитражное судопроизводство по делам о несостоятельности действует дополнительный набор условий реализации права на судебную защиту.

По своей юридической природе, процедура банкротства является крайним и наиболее эффективным способом удовлетворения кредиторов, в случае, если денежные обязательства не могут быть удовлетворены по окончании производства в иной процессуальной форме. При этом предполагается, что система гарантий банкротной процессуальной формы направлена также и на защиту прав должника. С этой целью, в частности, вводится институт арбитражного управления.

⁴ См. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П

Системный анализ норм действующего законодательства о банкротстве позволяет отрицательно ответить на первый поставленный нами вопрос, о допустимости самоличного представительства интересов должником в деле о несостоятельности – потенциальный банкрот имеет право на обращение в арбитражный суд лишь в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии будет исполнить денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок⁵. В иных случаях должник либо обязан обратиться в суд (ст. 9 Закона о банкротстве), либо его интересы представляет арбитражный управляющий. При этом следует учитывать, что арбитражный управляющий наделен широким спектром полномочий по защите имущественных прав должника, которые не ограничиваются только судебной защитой (п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве не содержит закрытого перечня мер, принимаемых для целей защиты имущества должника), и его полномочия не могут быть переданы другому лицу в силу п. 5 ст. 20.3 Закона о банкротстве (в том числе, разумеется, должнику). Буквальное прочтение Закона о банкротстве может привести к возникновению ложного ощущения, что арбитражный управляющий принимает меры по защите любого имущества должника, и даже сверх того, выступает в силу Закона о банкротстве обязательным представителем должника в вопросах защиты его имущества. Само собой, это не так – деятельность арбитражного управляющего, его права и обязанности, а также гарантии предоставляемые должнику – это содержащиеся только в пределах банкротной процессуальной формы сущности, и ограниченные исключительно ею. Именно для разграничения «подотчетного» арбитражному управляющему имущества должника закон придает гипостазирующее значение понятию конкурсной массы, как совокупности всего имущества должника, имеющегося у него на момент открытия конкурсного производства. В эту имущественную массу согласно абз. 1 п. 2 ст. 131 Закона о банкротстве не входит: имущество изъятое из оборота, имущественные права, связанные с личностью должника, в том числе права, основанные на имеющейся лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, средства компенсационных фондов саморегулируемых организаций в случаях, установленных законом, а также иное предусмотренное настоящим Федеральным законом имущество.

Отсюда со всей очевидностью вытекает ответ на вопрос, каким образом подлежат судебной защите нарушенные имущественные права, не включенные в конкурсную массу – они защищаются должником самостоятельно, со всей широтой возможностей, предоставленных ему ст. 12 Гражданского кодекса.

Сложнее дело обстоит с теми правами, которые имеют корпоративную природу. Положения Закона о банкротстве предопределяют удовлетворение корпоративных требований учредителей общества лишь после оплаты «внешних» долгов. Верховный Суд в данном контексте устанавливает дополнительные ограничения защиты корпоративных прав учредителей, а именно запрет на выдачу займов обществу из вырученных дивидендов, дабы пресечь эмуляцию со стороны учредителей. Судебная защита прав вытекающих из корпоративных отношений отягощается, надо полагать, презумпцией предпринимательских рисков, сообразно которой, коммерсант по умолчанию должен понимать, в каком неблагоприятном состоянии он может оказаться в кризисной ситуации.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

⁵ Ст. 8 Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ

3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. Стр. 315.
4. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П
5. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019.

